

Комплексы бон — депозиты периода Гражданской войны и интервенции

Юлия ЛАТУШКОВА

Старший научный сотрудник Национального исторического музея Республики Беларусь

Основа большинства коллекций Национального исторического музея Республики Беларусь заложена в 1957 г. сотрудниками созданной организационной группы краеведческого музея (позже музей был несколько раз переименован). В состав орггруппы вошли энтузиасты, поставившие своей целью формирование музейного фонда, по возможности полно отражающего историю страны. Одним из сотрудников, стоявших у истоков музея, был В. Рябцевич. Благодаря его активной работе уже в первые годы существования музей приобрел несколько интересных монетных кладов. Не остались вне поля зрения сотрудников отдельные монеты и бонны.

Именно сотрудники орггруппы музея начали формирование коллекции “Бонистика”, которая к моменту его открытия (1967 г.) насчитывала более 4000 единиц хранения (более 3700 единиц — основной фонд). В настоящее время основной фонд данной коллекции насчитывает более 5000 единиц хранения. Она включает в себя бумажные денежные знаки, ценные бумаги, лотерейные билеты, знаки пожертвований. Основную ее часть составляют бумажные денежные знаки — более 4000 единиц.

Специфика музея, создававшегося изначально как краеведческий, обусловила и основные направления комплектования коллекции бонистики. В музей поступали отдельные денежные знаки, вышедшие из обращения и сохранившиеся у населения, реже — частные коллекции. Поэтому основную часть собрания составляют денежные знаки Российской империи, России, РСФСР, СССР, Польши и Германии, в разное время находившиеся в денежном обращении на территории Беларуси (*рисунок*).

К сожалению, длительное время коллекция бонистики не была востребована в выставочной и научной работе музея. Это объясняется тем, что до начала 1990-х гг. бонистика на территории СССР развивалась усилиями коллекционеров-любителей, которых было не так уж и много. Недостаточно выпускалось и литературы, а найти ее, не говоря уж о том, чтобы приобрести, было фактически невозможно. Без специалистов, к которым можно обратиться за помощью, без каталогов и Интернета плодотворная работа со столь крупной коллекцией была невозможна.

В последние годы ситуация изменилась. Возникли объединения бонистов, проводятся конференции, появились и литература, и возможность консультаций со специалистами, что значительно облегчило работу как в целом с коллекцией бонистики, так и с отдельными предметами, входящими в ее состав. Так, за последние годы проведен анализ коллекции, уточнена атрибуция ряда предметов, благодаря новой литературе удалось уточнить место и дату выпуска многих денежных знаков.

При проведении анализа коллекции внимание привлекли три акта поступления, три комплекса. Все они были найдены в разное время в Минске (адреса строений приводятся на момент находки).

Комплекс № 1. Обнаружен в Минске по ул. Чкалова, д. 6 в 1965 г., в доме частной застройки, при разборке строения для его перевозки в другой населенный пункт. Более подробной информации об условиях находки в акте не зафиксировано. Не указано, были ли упакованы денежные знаки, в какой части дома

Состав коллекции "Бонистика"

Рисунок

они обнаружены. Комплекс содержал следующие денежные знаки (всего 566 единиц).

1. Государственные Кредитные билеты Российской империи (далее — “царские”, “николаевские”) номиналом:

- 500 руб. образца 1912 г. — 5 ед. (все за подписью И. Шипова, выпущены после апреля 1914 г.);
- 100 руб. образца 1910 г. — 5 ед. (из них: 4 ед. — за подписью И. Шипова, выпущены после апреля 1914 г.; 1 ед. — за подписью А. Коншина, выпуск 1910 г. — апрель 1914 г.);
- 50 руб. образца 1899 г. — 2 ед. (все за подписью И. Шипова, выпущены после апреля 1914 г.);
- 25 руб. образца 1909 г. — 11 ед. (из них: 9 ед. — за подписью И. Шипова, выпущены после апреля 1914 г.; 2 ед. — за подписью А. Коншина, выпуск 1910 г. — апрель 1914 г.);
- 10 руб. образца 1909 г. — 58 ед. (из них: 48 ед. — за подписью И. Шипова, выпущены после апреля 1914 г.; 10 ед. — за подписью А. Коншина, выпуск 1910 г. — апрель 1914 г.);
- 5 руб. образца 1909 г. — 65 ед. (из них: 56 ед. — за подписью И. Шипова, выпущены после апреля 1914 г.; в том числе: 41 купюра — упрощенные номера, выпуск после 1915 г.; 9 ед. — за подписью А. Коншина, выпуск 1910 г. — апрель 1914 г.);
- 3 руб. образца 1905 г. — 47 ед. (из них: 26 ед. — за подписью И. Шипова, выпущены после апреля 1914 г.; в том числе: 4 ед. — выпуск Российской империи, до 1917 г.; 9 ед. — Временного правительства; 13 ед. — советской власти; 20 ед. — за подписью А. Коншина, выпуск 1910 г. — апрель 1914 г.; 1 ед. — за подписью С. Тимашева, выпуск 1905—1909 гг.);
- 1 руб. образца 1898 г. — 95 ед. (из них: 93 ед. — за подписью И. Шипова, выпущены после апреля 1914 г.; в том числе: 17 ед. — полные номера, выпуск до 1915 г.; 74 ед. — упрощенные номера, выпуск после 1915 г.; в том числе: 11 ед. — выпуск Российской империи, до

1917 г.; 19 ед. — Временного правительства; 44 ед. — советской власти; 2 ед. — за подписью Э. Плесске, выпуск 1898—1903 гг.);

- бумажный разменный казначейский знак (билет) номиналом 50 коп. образца 1915 г. — 13 ед.

2. Государственные Кредитные билеты России номиналом (далее — “думские”):

- 5000 руб. образца 1918 г. — 1 ед.;
- 1000 руб. образца 1917 г. — 2 ед.;
- 250 руб. образца 1917 г. — 8 ед., 1918 г. — 1 ед.;
- 10 руб. образца 1918 г. — 1 ед.

3. Казначейские знаки (далее — “керенки”) номиналом:

- 20 руб. образца 1917 г. — 246 ед.;
- 40 руб. образца 1917 г. — 36 ед.

Исходя из полного отсутствия в комплексе денежных знаков Польши и Германии, а также учитывая высокий процент казначейских знаков (“керенок”) и мелких номиналов “царских” купюр, можно предположить, что комплекс сокрыт примерно в 1918 г.

Комплекс № 2. Поступил в музей в июне 1966 г., был найден в Минске, в доме по ул. Захарова, 28. Можно предположить, что он обнаружен при сносе либо реконструкции здания, но более подробная информация об обстоятельствах находки, месте, упаковке и т.д. в акте приема не зафиксирована. Комплекс содержал следующие денежные знаки (всего 57 единиц).

1. Государственные Кредитные билеты Российской империи номиналом:

- 500 руб. образца 1912 г. — 10 ед.;
- 100 руб. образца 1910 г. — 1 ед.;
- 10 руб. образца 1909 г. — 38 ед.

2. Государственный Кредитный билет России номиналом 1000 руб. образца 1917 г.

3. Билеты польской краевой кассы потребительской номиналом:

- 100 польских марок образца 15.02.1919—4 ед., 23.08.1919—1 ед.;
- 20 польских марок образца 17.05.1919—1 ед.;
- 10 польских марок образца 23.08.1919—1 ед.

Все Государственные Кредитные билеты Российской империи, входящие в этот комплекс, имеют подпись Управляющего Государственным банком И. Шипова (то есть выпущены после 1914 г.).

Учитывая высокий процент 10-рублевков и относительно малый процент “царских” купюр высоких номиналов, можно предположить, что данный комплекс сокрыт в период с сентября 1919 г. по март 1920 г., в конце весны уровень цен существенно вырос, и в котировках валют указываются в основном “царские” купюры крупных номиналов.

Комплекс № 3. Поступил в музей в августе 1985 г., найден в Минске по ул. Коммунистической, 84, под крышей дома. Обстоятельства находки зафиксированы в акте приема: денежные знаки были завернуты вместе с вексельной бумагой (бланк на сумму до 400 руб. Российской империи образца 1913 г. по цене 60 коп.) и документом (“Приказ № 8 Народного Комиссариата Продовольствия Белоруссии. г. Минск, 8 марта 1921 года”) в носовой платок фабричной ткани и упакованы в металлическую банку из-под какао. Комплекс содержал следующие денежные знаки (всего 67 единиц).

1. Государственные Кредитные билеты Российской империи номиналом:
  - 500 руб. образца 1912 г. — 12 ед. (из них: 1 ед. — за подписью А. Коншина, выпуск 1912—1914 гг.; 11 ед. — за подписью И. Шипова, выпуск после 1914 г.);
  - 100 руб. образца 1910 г. — 18 ед. (6 ед. — за подписью А. Коншина; 12 ед. — И. Шипова).
2. Государственные Кредитные билеты России номиналом:
  - 1000 руб. образца 1917 г. — 1 ед.;
  - 250 руб. образца 1917 г. — 2 ед.
3. Билеты польской краевой потребительской кассы номиналом:
  - 100 польских марок образца 23.08.1919 — 1 ед.;
  - 20 польских марок образца 17.05.1919 — 3 ед.;
  - 5 польских марок образца 17.05.1919 — 10 ед.;
  - 23.08.1919 — 12 ед.
4. Денежные знаки Варшавского генерал-губернаторства номиналом 1/2 марки образца 09.12.1916 — 2 ед.

Данный комплекс датирует документ, упакованный вместе с денежными знаками — уже упомянутый “Приказ № 8 Народного Комиссариата Продовольствия Белоруссии. г. Минск, 8 марта 1921 года”. Следовательно, комплекс сокрыт уже после марта 1921 г., при советской власти.

Таким образом, все три комплекса сокрыты после 1917 г. и содержат высокий процент “царских” (“николаевских”) денежных знаков, в основном — купюры за подписью Управляющего Государственным банком И. Шипова (занимал пост Управляющего с 14.04.1914 по 24.11.1917; купюры за его подписью выпускались до 1921 г.). *Комплекс № 1* выделяется полным отсутствием бон Польши и Германии и высоким содержанием “керенок”. Как уже говорилось, можно предположить, что он был сокрыт ранее двух

других, а именно примерно в 1918 г. *Комплексы № 2* и *3* близки по составу, содержат относительно высокий процент польских денежных знаков и “царских” купюр. “Думские” во всех трех комплексах идут лишь как незначительная примесь.

Ни в одном из трех комплексов нет советских расчетных знаков. И это не удивительно. Ведь, как правило, тезаврируют денежные знаки, к которым испытывают доверие (согласно закону Грэшема — Коперника “плохие” деньги вытесняют из обращения “хорошие”).

В перечне котировок валют Минской биржи второй половины 1919 г. — марта 1920 г. фигурируют: “царские” рубли, польские марки крупных номиналов (от 100), “думские”, “керенки”, “совзнаки”, ост-рубли, немецкие марки, карбованцы, доллары, франки, фунты стерлингов. Подробно расписаны котировки на “царские”: отдельно упоминаются купюры номиналом в 500 и 100 руб., “мелкие”, “новые”, “ветхие”. Указываются также отсутствие спроса либо низкий спрос на “керенки” и “совзнаки”¹. В конце мая 1920 г. в публикуемых котировках валют фигурируют “царские” 500 руб., 1000-рублевки “думские”, 100 немецких марок, франки, доллары, фунты стерлингов. Расчеты приводятся в царских рублях и польских марках.

Легко объяснимо нежелание населения принимать “керенки”: мелкие размеры, низкое качество оформления, необходимость самим разрезать листы, равно, как и колоссальное количество подделок, вызвали вполне понятное недоверие к ним. Естественно и отсутствие спроса на “совзнаки” — воспринимались населением как деньги ненадежные, региональные, имеющие сбыт и цену только на территории “под советами”. В остальных местах хранение и сбыт этой валюты были сопряжены с серьезными сложностями. Сама же советская власть представлялась явлением временным, преходящим. Часто “совзнаки” совсем не упоминаются в перечне валют.

Депозиты бумажных денег для Беларуси — феномен новейшего времени. Основная масса подобных комплексов сокрыта с 1917 г. по 1922 г., в период стремительного, небывалого роста инфляции. Исходя из самого определения бумажных денег как номинальных знаков стоимости, наделенных принудительным курсом и не имеющих самостоятельной стоимости (приобретают представительную стоимость лишь в процессе обращения), тезаврирование бумажных денег в период высокой инфляции — нонсенс.

Более того, из истории экономики известно, что бумажные деньги обесцениваются в случае потери доверия населения к правительству, вплоть до отказа принимать их в платежи по номиналу. В период гиперинфляции деньги, как средство накопления, теряют свою привлекательность, несмотря на их высокую ликвидность. При гиперинфляции национальная валюта может частично не использоваться как средство накопления и мера стоимости. Люди сразу обменивают деньги своего государства на устойчивую валюту. После этого устойчивую иностранную валюту они обменивают на национальные деньги по мере возникновения необходимости в совершении покупок.

¹ “Варшавская биржа за 24 сентября” // Минский курьер. 28 сентября 1919 г.

В ситуации, сложившейся в период Гражданской войны и интервенции, на территории нашей страны роль устойчивой валюты, как это ни странно на первый взгляд, была отдана населением “царским” (“николаевским”) деньгам — Государственным Кредитным билетам Российской империи. Данные купюры наиболее высоко котировались на внутреннем рынке, отличались устойчивым спросом на них на бирже.

В чем же причины популярности “царских” купюр? Правительство, эмитировавшее их, — низложено, государство — уничтожено. Но при этом и Временное, и советское правительства продолжают печатать значительные партии “царских” рублей. Эмиссии их продолжались вплоть до 1919 г. (мелкие номиналы) и 1921 г. (крупные купюры)².

Оккупационные власти охотно принимают “царские” купюры в платежи. В некоторых случаях возникают проблемные ситуации. Так, в местных средних школах плату за обучение требуют в царской валюте, а родители учеников получают зарплату в польских марках³. Иностранцы и варшавские купцы требовали оплату за товары только в царской или зарубежной валюте, однако ряд товаров первой необходимости продавались только за “царские”⁴.

Еще одной причиной популярности “царских” купюр стало то, что их принимали по всей территории бывшей Российской империи, причем часто по завышенному курсу. В ситуации, сложившейся в данный период на территории Беларуси, это было важно, так как во время польской интервенции многие квалифицированные специалисты и рабочие выехали за пределы оккупированных территорий, оставив там, по разным причинам, свои семьи. Например, Иосиф Голубев — столяр мастерских Минского депо Александровской железной дороги, коммунист, выехал из оккупированного Минска, но оставил в нем большую семью, вынужден был передавать ей деньги именно в царской валюте, о чем пишет в своем дневнике. Так, в записи от 7 ноября 1919 г., станция Славное, он пишет: “Приготовил письмо семейству и деньги 200 руб. николаевскими, потому что там советские без цены”. В записи от 2 февраля 1920 г.: “А меня то сильно печалит, что мало николаевских денег расстарался, всего одну тысячу, да керенок тысячу, а там (в Минске) она идет всего за 100 руб., а советских совсем нету. А где взять этих проклятых николаевских денег, когда нам дают только советскими?”. Еще одна запись от 11 марта 1920 г., четверг, станция Орша: “В первую очередь продал соль, намерен получить николаевскими, чтобы детям перепроводить. Оказалось, что получить их невозможно, даже в малом количестве, поневоле пришлось получить советскими. За 27 ф. соли получил 13 500 руб., а детям послать нечего”⁵.

В подобной ситуации оказались и были вынуждены так поступать очень многие. Таким образом, деньги, эмитировавшиеся, по сути, советской властью, продолжали поступать под эгидой “николаевских” на оккупированную территорию и принимать самое ак-

тивное участие в денежном обращении, в том числе тезаврироваться населением. При частой смене власти они оказывались наиболее безопасными и надежными, отличались высоким качеством полиграфии и бумага, их сложнее было подделать. И в отличие от выпусков местных властей эти деньги принимались на всем пространстве бывшей Российской империи.

Если с “николаевскими” купюрами более-менее понятно, то как объяснить тезаврацию польских марок, официально выведенных из обращения на территории, освобожденной от польской армии и перешедшей под советскую власть? “Приказ № 8 Народного Комиссариата Продовольствия Белоруссии. г. Минск, 8 марта 1921 года”, сокрытый вместе с комплексом № 3, недвусмысленно датирует его — самое раннее мартом 1921 г. А ведь уже 31 августа 1920 г., сразу после временного установления советской власти, был обнародован приказ Минской Чрезвычайной комиссии о сдаче польских марок в Казначейство и репрессивных мерах в случае его невыполнения⁶. Политика советской власти в отношении польских марок после окончательного освобождения Минска и прекращения боевых действий на советско-польском фронте осталась в целом прежней. Что могло побудить горожанина продолжать хранить знаки, не только вышедшие из обращения, но и небезопасные в случае обнаружения властями? В данном случае можно лишь отметить, что доверие к деньгам — доверие к правительству. Хранение польских марок показывает как мнение минского обывателя в 1921 г. о крепости и котировке “совзнаков”, так и его отношение к новой власти. Приученные к ее частой смене в недавнем прошлом и тревожной жизни в “приграничной столице” в своем настоящем (советско-польская граница по Рижскому мирному договору прошла в непосредственной близости от Минска), минчане не спешили избавляться от польских марок, приберегая их, несмотря на все распоряжения и заявления советских органов власти.

Следует отметить, что комплексы-депозиты бумажных денег новейшего времени лишь недавно привлекли внимание исследователей. С одной стороны, в отличие от кладов монет здесь не приходится ждать сенсационных находок. В основном они содержат наиболее популярные у населения купюры. С другой — материальная ценность подобных комплексов невысока. Все это, равно, как и относительная “свежесть” событий, вызывало часто пренебрежительное отношение к ним не только со стороны коллекционеров, но и со стороны ученых и музейных работников. В лучшем случае подобные комплексы включались в музейное собрание, как правило, без фиксации обстоятельств находки. К счастью, в настоящее время ситуация изменилась.

Комплексы — депозиты бумажных денежных знаков являются ценным источником в изучении истории денежного обращения и экономики нового и новейшего времени и требуют исследования наравне с монетнымикладами.

² *Наше денежное обращение. Сборник материалов по истории денежного обращения в 1914—1925 гг. / Под ред. проф. Л.Н. Юровского. М., 1926.*

³ “У тутэйшых сярэдных школах” // *Беларусь. 1920.*

⁴ “Многіе прыватныя і грамадзянскія ўстановы” // *Беларусь. 1920.*

⁵ *Счастье мое. Дневники Иосифа Голубева 1916 — 1923 гг. — Минск, 2002. С. 290, 321, 333.*

⁶ *Рябцевич, В.Н. Нумизматика Беларуси. — Минск, 1995. С. 323.*